

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1



ИЗ РЯЗАНСКОГО ПОДВАЛА НА ПАРНАС

СТР. 12-15



СТР. 5

СЧАСТЬЕ ЕСТЬ!



СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№11 (40)
МАРТ 2021

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

**«ГОВОРЯТ, ТУТ
АНТИ-ЮБИЛЕЙ...»**

СТР. 8-10



**АКИРА
КУРОСАВА:
САМУРАЙ
ОТ КИНО**

СТР. 6-7



ИЗ РЯЗАНСКОГО ПОДВАЛА НА ПАРНАС

Геннадий Норд

Нина Краснова — одна из самых выдающихся Поэтов современности. Именно так — с большой буквы! И с большой буквы Человек. Добрая, отзывчивая, веселая, всегда готовая прийти на помощь. Член Союза писателей Северной Америки и многих других писательских объединений, редсовета журнала «Юность», основатель и главный редактор литературного альманаха «Золова арфа».

А сколько мы знакомы, просто не поддаётся подсчёту.

— Ты из Рязани, а Рязань — родина великого о Сергея Есенина...

— Да. Я — землячка Есенина. И он был первым поэтом, которого я узнала и любила в детстве всей душой и который оказал на меня сильное влияние. Родилась я 15 марта 1950 года, но не в селе, а в городе, в центре Рязани, на улице Революции, ныне Соборной, в подвале, как «дитя подземелья» Короленко. Росла без отца, с мамой — инвалидом второй группы по зрению, со старшей сестрой и двумя старшими братьями. Стихи стала сочинять в три года, в младшей группе круглосуточного детского сада, а писать — в семь лет, в первом классе, когда научилась держать в руке перо. Об этом о своем детстве я позже написала венок сонетов «Подвал», который в 1993 году был напечатан в журнале «Дружба народов»:

*В потёмных стенах этого подвала,
Как цветик под землей, я росла,
В поэзии надежду подвала,
Не разбираясь в тайнах ремесла...*

*...Вос наградил меня высоким лбом.
Я начала стихи писать в альбом...*

*...Есенина запоем я читала,
Возвысь потёмной статью читала...*

— В школе занималась творчеством?

— Конечно. Училась я в школе-интернате и в обычной средней школе. Потом работала пионервожатой в пионерлагере «Комета» и руководительницей кукольного кружка, ставила с детьми кукольные спектакли. Затем — штатным сотрудником в газете «Рязанский комсомолец» и штатным литсотрудником в районной газете «Ленинский путь», в отделе искусства, культуры и быта... Занималась при Дворце профсоюзов в литобъединении «Рязанские родники», которым руководил опальный Евгений Маркин, младший товарищ Солженицына, выпускник Литературного института, самый известный рязанский поэт после Есенина...

— А потом поехала в Москву?

— Поэт XIX века Клоушников написал когда-то: «Москва! Предел моих желаний!» И для меня она с юности тоже была «пределом моих желаний», как и для Есенина, и для героини Чехова, которые рвались «В Москву! В Москву!»... и как для всех, кто не может без неё обойтись.

Мне казалось, что только в Москве сбудется всё самое главное и самое лучшее в моей жизни, и что только здесь, общаясь с большими поэтами, писателями, я смогу максимально развить и реализовать свои творческие способности, потому что путь на Парнас лежит через Москву.

— Да. В 1971-м году я послала из Рязани в Литературный институт свои стихи. Прошла творческий конкурс — 100 человек на место — и получила от Приемной комиссии вызов на экзамены. Сдала экзамены и набрала нужное количество баллов, и даже больше нужного.

Но, по какому-то недоразумению, по какому-то закону подлости, не попала в список студентов. Потом оказалось, что машинистка пропустила мою фамилию. Для меня это был страшный удар! Я не знала, что же мне делать...

И решила не возвращаться в Рязань. Я устроилась на хлебозавод № 6 и целый год работала там пекарем и посещала в Центральном Доме литераторов народный университет, где выступали известные поэты.

А в 1972 году я всё же поступила в Литературный институт, на дневное отделение поэзии, куда меня рекомендовал Владимир Алексеевич Солоухин. Я тогда на радость написала такие стихи:

Я студентка! Я живу в столице!

— Кто был руководителем курса?

— Я попала в семинар к Евгению Ароновичу Долматовскому и занималась у него целых пять лет. А по совместительству с этим работала при институте дворником, а ещё кладовщиком, дежурной на сигнализации и машинисткой в машбюро.

В 1977 году я окончила институт, но по инерции проработала там до 1978 года.

— А потом уехала в Рязань?

— По семейным причинам уехала назад в Рязань. Но приехала я туда, так сказать, на коню, имея уже публикации в центральной периодике, в альманахе «Поэзия», в журнале «Москва» и в журна-



У Ричарда Баха есть повесть о морской чайке по имени Левингстон, которая стала птицей высокого полёта, потому что училась летать у птиц высокого полёта. И мне тоже хотелось стать такой птицей. О чём я написала такие строчки:

*Как трудно птицей быть высокого полёта,
А жить в соседстве ниш и полёта в объёмного.*

— И поскольку ты писала стихи, то решила поступать в Литературный институт?

ле «Юность». И какое-то время вела в Рязани литературное объединение «Рязанские родники». Это тогда, когда Маркин уже покинул земной мир.

— И как сложилась дальше твоя литературная судьба?

— В 1979 году в Москве вышла моя первая книга стихов «Рябег». В 1980 году меня приняли с ноем в Союз писателей СССР.

В советское время, с 1979 по 1989 год, у меня вышло в Москве 4 книги стихов. Я считалась успешной поэтессой



С Евгением Долматовским, 1987



С Андреем Вознесенским



С Риммой Казаковой



С Виктором Астафьевым



С Евгением Евтушенко

своего поколения семидесятников-восьмидесятников, к которому и ты относишься. Владимир Солоухин говорил, что «Нине Красновой не хватало трех-пяти лет, чтобы стать широко известной поэтессой советского времени».

—А как ты опять оказалась в Москве?

—В 1992 году я, чтобы, как писал Виктор Астафьев, не «угореть в своей провинции, как в угарной бане», вернулась в Москву, потому что все мои литературные друзья и наставники, и все мои литературные дела, и все издательства и редакции газет и журналов, в которых я печаталась, были в Москве, а в Рязани — увя... Там мои коллеги говорили мне: «А зачем тебе печататься в Рязани, когда ты печатаешься в Москве?» В Москве так в Москве. Туда я и уехала, и не на жирные хлеба, а на великие испытания, которые помогли мне проверить себя на прочность, закалить свой характер и выйти на новые творческие направления, да еще и обрести идеального друга и спутника жизни на всех этих направлениях, свою опору и свое личное счастье.

—Твой учитель Евгений Долматовский говорил: «В Москву если въезжать, то — на белом коне!» То есть с победой!

—А я и въехала в Москву на белой «Волге» моих проводителей, со своими публикациями в «Новом мире», в «Москве», в «Юности», в «Дружбе народов» и в коллективных сборниках и с фургоном книг и рукописей.

—Насколько я знаю, ты постоянно учишься при общении, при встречах. Кто повлиял на твои литературные университеты?

—На моем литературном пути жизнь сводила меня с разными известными поэтами и прозаиками, которые стали моими старшими друзьями, учителями и покровителями, сыграли каждый свою хорошую роль в моей литературной судьбе.

Например, уже упомянутый Владимир Солоухин, которого я считаю своим литературным отцом, не только рекомен-

довал меня в 1972 году в Литературный институт. Он помог мне издать первую книгу стихов «Разбег» в фирменном тогда издательстве «Советский писатель», и даже сам отнес туда рукопись этой книги. И, когда она вышла, в 1979 году, рекомендовал меня в Союз писателей СССР, а позже — на всесоюзное радио. И помог мне издать в «Современнике» книгу стихов «Плач по рекам», которую редакторша «зарубила», потому что там было много таких откровенных личных стихов, которые не принято было печатать в советское время, да еще в такой непривычно большой дозе, как у меня. И всегда он помогал мне не только делами, но и добрыми советами, как будто своей дочке.



Евгений Долматовский, который был моим литинститутским учителем и у которого я занималась в творческом семинаре целых пять лет, всегда защищал, если некоторые мои сокурсники «нападали» на меня, критиковали меня за мой стиль наив в стихах. Евгений Аронвич

говорил им: «Ребята-ы-ы, вы ничего не понимаете. Стиль наив не так прост, как вам кажется. И он является противовесом мудрствованию от лукавого и умничанию, которое, как ничто иное, вредит

он рекомендовал меня от Иностранной комиссии Союза писателей СССР, поэтессе из провинции, для поездки в Польшу на праздник «Варшавская Осень Поэзии». По результатам этой поездки я написала дневниковый роман «Дунька в Европе».

Николай Старшинов печатал меня в альманахе «Поэзия» и включал мои стихи во все антологии и в настольные календари с отрывными листочками и, кстати сказать, тоже рекомендовал меня в СП.

Пародист Александр Иванов писал пародии на мои стихи и говорил, что из всех молодых поэтесс он очень ценит Нину Краснову. Когда он увидел в очередном номере «Юности» подборку моих лирических стихов и мой стихотворение со строкой «Так и быть — дотронься до меня», то сочинил и опубликовал в «Студенческом меридиане» и в «Крокодиле» аж две пародии на это стихотворение, одна из которых называлась «Него трогательно»:

*Не стыжся в среду недопроса,
То и дело плыть тебе,
У тебя чего-нибудь попроса
Или дам попросить у себя...*



поэзии». Когда я окончила Литературный институт, Долматовский радовался моим книгам, моим успехам, гордился мной, приглашал меня выступить в стенах альма-матер перед его новыми учениками: «Нина, приходи к нам, я тебе бенифис устрою!».

Андрей Дементьев, когда я окончила институт и собиралась уезжать из Москвы назад в Рязань, сразу же напечатал мои стихи в самом популярном тогда журнале «Юность». Он пригласил меня из Рязани на совещание молодых писателей в 1979 году, взял меня в свой семинар и написал в «Литературном обозрении», что я была «открытием семинара» и журнала «Юность». А в 1987 году

Долматовский, который знал меня как скромную девушку, прислал мне в Рязань письмо, в котором «утешил»: «Нина! Хотя пародия и похабна до крайности, но это хорошая реклама, за которую на западе деньги платят, и она придаст тебе популярности. На ничто пародии не пишут. А Александр Иванов пишет пародии только на таких поэтов, которые по-настоящему талантливы и имя которых на слуху».

—Евгений Евтушенко сделал о тебе большую передачу на радио «Голос России».

—Евгений Евтушенко сделал мне — «рязаночке-хулиганочке» — такой приятный сюрприз незадолго до своей кончины. Благоосливил меня в поэзию.

Окончание на с. 14-15



С Андреем Дементьевым



С Валерием Золотухиным

Окончание. Начало на с. 12-13

В декабре 2016 года я виделась с ним последний раз в Малом зале ЦДЛ на собрании Русского ПЕН-клуба. Я сидела в первом ряду, а он немножко опоздал, прошел в первый ряд и сел прямо со мной. И мы весь вечер сидели с ним рядом, и я подарила ему свою книгу «Тайна», где есть стихи, посвященные ему, а он написал мне свой автограф: «Ниночка, желаю тебе счастья и успехов в Новом году и дальше!».

В общем, везло мне на учителей, с которыми меня сводила жизнь на моем литературном поприще и которые сыграли в моей судьбе каждый свою большую роль. А ещё были и Арсений Тарковский, и Сергей Поликарпов, и Виктор Боков, и Юрий Кузнецов, и Кирилл Ковальджи, и Римма Казакова, и Тамара Жирмунская, и Андрей Вознесенский...

—**Андрей Вознесенский** написал о тебе в журнале «Огонёк» в статье «Музы и ведьмы XX века», где поставил тебя в один ряд с самыми лучшими музами и с самыми лучшими молодыми поэтами XX века, и прорекламентировал тебя в журнале «Обозреватель», который выходил в 134 странах мира.

—А в своей книге на «Виртуальном ветру» Андрей Вознесенский похвалил меня за мои частушки, которые ему, как человеку с юмором, оказались очень близки. Он написал: «Озорна и целомудренна ненормативная лексика в стихах рязанской красной девицы Нины Красновой». Ещё он сделал послесловие к моей книге «Четыре стоны».

А Римма Казакова — предисловие к ней стихами, которые посвятила мне. Кстати, с Риммой Казаковой и с группой Союза писателей Москвы, с Кириллом Ковальджи, Татьяной Кузовлевой я когда-то ездила в Рязань, выступала с ними в областной библиотеке и водила их по своему родному городу, как Суянин. Римма тогда подарила мне свою книгу с таким автографом: «Ниночка, мы с тобой уже никогда не расстанемся!».

Мы и не расставались с ней до конца. Я бывала у неё дома на улице Чайнова, там и с тобой познакомилась. Мы втроем сидели за столом на кухне, ели котлеты, пожаренные Риммой, пили чай, и не только чай. Очень приятно общались, ужинали, читали стихи. Я помогала ей по хозяйству, ходила в магазин и в аптеку, за продуктами и лекарствами, когда она перенесла тяжелую операцию. Тогда же я сделала с Риммой большое-большое интервью. В 2000-х годах мы с ней вели литературный кружок в музее Лермонтова. Я и сейчас не расстаюсь с ней, как и ты. Ты недавно написал о ней такие прекрасные и такие трогательные воспоминания!

—«Не смейте забывать учителей!» — писал Андрей Дементьев. И ты, как достойная ученица своих учителей, следуешь этой заповеди.

—Я никогда не забываю своих учителей и всех их люблю, и всех благодарю за все, что они сделали для нашей отечественной и для мировой культуры, и конкретно для меня. И всем я посвящала свои стихи и веселые частушки.

Римме Казаковой

*Римма, Римма Римма,
Ты непоотрывается!
За тебя, Риммуточку,
Вотню и «размужичку»!*

Андрею Дементьеву

*С новой книгой моею
К Вам иду, пахороние.
Много, астаром, и во
Вы доважны, мыйый шиф?*

Кириллу Ковальджи

*Вот книга стихов. От кого? От Кирилла.
Я книгу открыла — поэты открыли.
Стихи у Кирилла такие лирические,
Такие они у него кириллические.*

Виктору Бокову

*Боков спитался в чулан
От шунатки, от изжестности.
Боков — действующий член
Академии словесности.*



С Кириллом Ковальджи



С Геннадием Нордом

попросил написать стихи о Петре и Февронии и потом читал эту мою оду в шестнадцати городах России на открытии памятников этим двум русским святым.

—**Ты когда-то написала: «Москву ничем не удивишь, но я попробую!»** А ведь ты и правда удивила Москву, Своими книгами. А за две — «Интим» и «Семейная неидиллия» — ты получила на турнирах Поэзии в Лужниках титул Принцессы Поэзии и Московского комсомольца и титул Королевы любовно-эротической Поэзии России.

—Обе эти книги в моем художественном оформлении и с моими графическими иллюстрациями, по существу, стали народными. Я сама продавала их на «площадях и улицах столиц», бегая по разным маршрутам и устраивая для каждого потенциального покупателя мини-концерт на одну-две минуты с чтением самых ярких и веселых строк. И продала весь тираж «Интима» — 3 тысячи экземпляров. А на «гонорар» за «Интим» выпустила «Семейную неидиллию» тиражом пять тысяч экземпляров. И всё почти всю продала.

Между прочим, в 90-е годы и Александр Иванов сам продавал свои книги, Николай Старшинов на своих вечерах в ЦДРИ, Валерий Золотухин продавал свои дневники в Театре на Таганке до конца своей жизни.

—**Но ты ведь пишешь не только стихи, а и прозу.**

—Потому что далеко не все можно сказать в стихах, и даже в поэмах. Что-то — и даже очень многое — можно сказать только в прозе, и только через неё выразить себя и какие-то свои взгляды, своё отношение к кому-то или к чему-то. Но я пишу не художественную прозу, а нефикшн: дневники. Я веду их с 11 лет, с 5-го класса под влиянием книг Анатолия Алексина, Геннадия Мамлина, Яны Ларры. А ещё пишу литературные статьи, лирическую, автобиографическую и литературоведческую, исследовательскую прозу, эссе.

В 2000 году в журнале Юрия Кувалдина «Наша улица» вышел почти весь мой роман «Дулька в Европе» — о моей первой поездке за границу на праздник «Варшавская Осень. Поэзия». В 2003 году вышла моя книга «Цветы запоздалые», в которой есть не только стихи, но и моё автобиографическое эссе «Москва рязанская» и страницы об Алексее Фатьянове и о моих земляках: о поэтах Якове Полонском, Евгении Маркине, и эссе «Тютчев» — о жизни и творчестве поэта Фёдора Тютчева, классика XIX века.

А в 2010 году вышли сразу две мои книги: «В небесной сфере» и «Имя», в которых опять же есть не только мои стихи, но и эссе о поэтах Серебряного века —

С Анатолием Трушкиным, Александром Хортом и Анатолием Шамардиным



Евгению Евтушенко

*Он — не левый ома тараст,
А бабышка рыба, классик!
Кит в сравнение с этим классиком
Мелкоз выводит карискиам.*

Андрею Вознесенскому
(автограф на книге
«Потерянное кольцо»)

*Поэту без приставки айти,
Давно кончилась с ним ища,
Дарю «Кольцо», дружно претяжи,
И эту надпись в сонном ширинге.*

Валерию Золотухину

*К Золотухину на печку
Ты под шубу заберись.
Он — артист, амакс не смущень,
И писатель — замбись!*

*Ой, Золотухин, ой, Валера!
Да не возьми тебя халера!
Любись, работай и не ахай
И посылай хатеру... к лешему.*

—Валерий Золотухин говорил, что «без Нины Красновой нельзя представить себе русскую литературу XX и XXI века».

—Да, он говорил это на моем юбилейном вечере.

Золотухин время от времени просил меня написать серьезные стихи на какую-то серьезную тему. Например,

Пастернаке, Ахматовой, Цветаевой, Гумилёва, Есенине, Волошине, Тинькове, о Мандельштаме и заметки о прозе Кувайдина.

В разных журналах, альманахах и газетах печатались мои материалы о Бальмонте, о моих старших друзьях и учителях — мемуары о Евгении Долматовском, о Николае Старшинове, об Александре Иваново, о Викторе Астафьеве, о Валерии Золотухине, как об артисте и как об авторе двадцати книг своего дневника. А ещё я писала о моих друзьях «потерянного» поколения, символах этого поколения — о Николае Дмитриеве, Александре Шуплове, Татьяне Бек, и о девяностодестянике Валерии Дудареве, самом юном главном редакторе журнала «Юность». Хотя сейчас новый главный редактор Сергей Шаргунов ещё юнее Дударева.

Эпистолярный жанр и вообще проза non-fiction занимает в моем творческом багаже намного больше места, чем стихи и поэмы.

— Гёте говорил, что «писатели — это секретари человечества». Я считаю тебя таким секретарём. Тебя даже называют летописцем литературной жизни или историком культурной жизни нашего времени.

— Называют...

— Ты же ещё и основатель и главный редактор альманаха «Эолова арфа».

— Да. Я выпустила восемь номеров альманаха «Эолова арфа», каждый из которых по своему объёму — «томов премногих тяжелей». В альманахе я стараюсь дать, показать широко панораму современной литературы — стихи и прозу известных, маститых и пока ещё неизвестных авторов, и свои вещи.

6-й номер тематический — весь посвящён Андрею Вознесенскому, памяти поэта. Этот номер с подзаголовком «АНДРЕЕВО ДРЕВО» и весь альманах так понравился Зое Богуславской, что я получила за нее спецприз Фонда им. Андрея Вознесенского, а недавно еще и премию «Парабола».

А 7-й и 8-й номера «Эоловой арфы» тоже тематические с подзаголовком «Русский Орфей — Анатолий Шамардин». Они посвящены Анатолию Шамардину, уникальному русско-греческому певцу и композитору, солисту Утёсовского оркестра 70-х годов, иньязовцу, полиглоту и моему близкому другу и спутнику жизни, автору наших с ним песен и его песен на стихи разных поэтов.

Солисту оркестра Леонида Утёсова Анатолию Шамардину

1.

*Из оркестра Утёсова ты — певец.
Пусть в искусство не вступил ты и первый.
И певца сладкозвучней не слышала окрест.
А пласого не стали бы в этом оркестре.*

2.

*Предоставить русского батышата,
Знающий и Вебеля, и Книгла,
Анатолий Шамардин —
Это просто шара один!*

У нас с Анатолием оказалось в жизни много общих друзей из литературного мира. Все его друзья оказались и моими, а все мои — и его друзьями, хотя мы с Анатолием долго шли по жизни разными путями, каждый своим, пока наши пути не сошлись в 1988 году на юбилее Виктора Бокова в Доме культуры газеты «Известия», где Анатолий пел свои песни на стихи юбиляра, а я читала свои стихи, посвященные матури. И Боков, благодаря которому это случилось, стал нашим «посажённым отцом».

Ты с Анатолием и со мной участвовал в одном концерте фестиваля «Начало» на родине моей мамы в Солотче. Помнишь?

— А как же! Конечно, помню. Почему ты назвала свой альманах «Эолова арфа»?

— А потому что меня, когда я работала в газете «Ленинский путь», все сотрудники называли Эоловой арфой: «Нина, ты Эолова арфа».

— А что это такое?

— В древнегреческом мифе это такой музыкальный инструмент, который висит на ветках дерева и звучит, и поет от каждого лёгкого прикосновения и дуновения Бога Ветра Эола. То есть это символ трепетной,

впечатлительной, утонченной творческой природы, и каждый творческий человек — это Эолова арфа со своими струнами души, со своей музыкой и своей песней. И поэтому я так и назвала свой альманах, где каждый автор — Эолова арфа.

— Сейчас ты, как я знаю, работаешь над трилогией об Анатолии Шамардине, которая называется «Золотой самородок из Хасауга-Греческого».

— Эта трилогия не только о нём, но и о его окружении, о его родных и близких, о его друзьях, об известных и неизвестных людях, с которыми он был связан. Но и о его жизни со всеми её проблемами, и о времени, в которое он жил и работал, и об истории советского и постсоветского эстрадного искусства и нашей отечественной литературы.

Вышло уже два тома «Золотого самородка» в новой литературной серии «Судьбы выдающихся людей» — сокращённо «СВЛ».

В обоих томах много страниц о легендарном Леониде Утёсове, который едва только услышал Анатолия, его золотой голос, тенор редкостной красоты, сразу же принял Анатолия в свой оркестр и открыл ему дорогу в большое искусство. Утёсов защитил молодого тогда певца от худсоветов, от чиновников с их невыполнимыми для него требованиями петь любовные гражданские песни, которые не подходили ему ни по характеру, ни по голосу, ни по душе, и которых не было у него в репертуаре. В репертуаре Анатолия были нежные лирические

С Эдуардом Амчиславским



С портретом Анатолия Шамардина



песни о любви, да притом в основном на иностранных языках. Он пел на итальянском, немецком, английском, которыми владел в совершенстве, и на родном для него греческом языке, а также свои собственные и русские народные песни.

— Пусть Анатолий поёт то, что он поёт. Пусть поёт иностранные песни на иностранных языках. Как же же ему ещё петь с его нерусским носом? — сказал Утёсов дирижёру Владимиру Старостину. — И пусть Анатолий поет и свои собственные песни, и русские народные. Барём Толло со всем его репертуаром в оркестр, в порядке исключения!

Утёсов умел ценить настоящие таланты и радовался им и брал в свой джазовый оркестр не просто хороших, а уникальных артистов, певцов, музыкантов.

— В «Золотом самородке...» много страниц посвящено и прославленным утёсововедам Борису и Эдуарду Амчиславским.

— Нельзя писать об Анатолии Шамардине и не писать о Леониде Утёсове. Так

же как нельзя писать о Леониде Утёсове и не писать о Борисе и Эдуарде Амчиславских, которые всю жизнь занимают Утёсовым. Они написали и выпустили более десяти книг о нём, создали в Одессе музей Утёсова. Они настоящие подвижники культуры! И мне повезло познакомиться с ними. За что спасибо Утёсову и Шамардину! И ещё писателю-сатирику Александру Хорту.

— И Борис, и Эдуард одни из первых членов нашего Союза. А Эдик еще и мой заместитель в Правлении. Как вы познакомились?

— За месяц с лишним до своего неожиданного ухода в мир иной Анатолий Шамардин выступил на Первом канале ТВ в передаче о Леониде Утёсове «Сердце поёт...», в которой принимали участие солисты оркестра Утёсова Бедрос Киркоров и Вади́м Му́лерман. В этой передаче Анатолия и заметили два прославленных утёсововеда, земляки легендарного одессита, отец и сын Амчиславские, которые много лет живут в Нью-Йорке. Они очень удиви-

лись: «А почему мы не знаем такого певца — Анатолия Шамардина? Бедроса Киркорова знаем, Вади́ма Му́лермана знаем, а Анатолия Шамардина — нет?». Они включили Анатолия в золотой список солистов оркестра и в свою тетралогию об Утёсове «Я родился в Одессе...», которую выпустили в 2014 году. И стали искать кого-то, кто знал Анатолия и мог бы дать им какие-то сведения о нём. И вышли на своего и нашего с Анатолием друга Александра Хорта, который посоветовал им обратиться ко мне.

А я прислала им столько сведений об Анатолии, что их оказалось больше, чем обо всех солистах, вместе взятых, начиная с 30-х годов.

Потом я подарила Амчиславским газеты, журналы, альманахи, книги со своими материалами об Анатолии, диски и кассеты с его песнями. Все это оказалось в музее Леонида Утёсова, где Анатолию, так сказать, представили творческое убежище, и в научной библиотеке города Одессы. И потом Анатолий попал и в новые книги Амчиславских — «Навсегда Утёсовым остался», в «Утёсовскую энциклопедию».

А с Эдуардом Амчиславским я познакомилась очно в 2015 году на юбилее Леонида Утёсова в трактире «Гурман» на Пятницкой, где выступали и ты, и Александр Хорт.

У меня в домашней библиотеке есть книги Амчиславских с автографами. Я держу их на витрине. И процитировала про них вот такие строчки:

Утёсововедам Амчиславским — Борису и Эдуарду

*Хороши Амчиславских имена!
Много сердца там и ума,
Утёсов спойт у Небесных Врат,
Томия Амчиславских Утёсов рад!*

И я рада этим томам, и Анатолий Шамардин, который теперь встретился со своим покровителем Леонидом Осиповичем в Царствии Небесном!

— А сколько твоих книг уже издано в течение твоей жизни?

— Двадцать книг стихов и прозы, плюс восемь номеров альманаха «Эолова арфа», в каждом из которых как минимум 50 процентов объёма это мои тексты.

— У тебя ведь, наверняка, еще и неизданного много, как у всех писателей? По себе знаю.

— А неизданных книг у меня ещё больше. Они — в форме бумажных рукописей и электронных версий — лежат в моих архивах, в моих записниках и ждут своего часа. И дай Бог, дождутся «еще при моей жизни», как сказал бы великий оптимист Анатолий Шамардин. «Помоги мне, Бог», как сказала бы моя матушка своим рязанским, солотчинским языком.